

СОЛОВЕЙ

Поет Алла Соленкова

Баловень публики тенор Китти, только что вернувшийся из Англии, первым делом заглянул в «Ла Скала» к своему учителю маэстро Барра.

— Подпой нам, Китти, — попросил его маэстро, — мы поем «Риголетто».

Но певец торопился, поцеловал учителя и убежал.

Урок продолжался. Из репетиционной комнаты вслед гостю понеслось звонкое чистейшее сопрано, через минуту дверь снова отворилась — на пороге стоял изумленный Китти. Он так и простоял до первой паузы, широко открыв глаза и глядя в упор.

— Так это вы поете, синьора? — спросил он Аллу Соленкову, хотя это было ясно и без вопроса. Темпераментный неаполитанец, не говоря ни слова, живо взял ноты, стал быстро их листать, поставил раскрытый том на рояль и, наконец, улыбнулся:

— Если синьора Алла мне возражает, начнем отсюда...

И они запели, русская и итальянец, чем дальше, тем лучше и лучше, задевая друг друга красиво взятой трудной нотой, обаянием тембра, мощью голоса.

Потом Китти долго не уходил. Он хвалил — «соловей!», предрекал блистательное будущее, говорил о музыкально одаренных русских. Вспоми-

нал Шаляпина, о котором ему с восторгом рассказывали в каждой стране, где он побывал.

— Теперь, Китти, пожалуйста, уходи, — сказал маэстро. — У нас урок. Синьора дорожит каждой минутой. А о Шаляпине я ей расскажу лучше, чем ты. Мы пели с ним на одной сцене.

Это случилось в прошлом году, в последние месяцы стажировки молодых советских певцов в Италии в знаменитом оперном театре. Престарелый маэстро Барра, бывший певец, сдержал свое слово: он много и с увлечением рассказывал о Федоре Шаляпине, о его беспримерном трудолюбии, о его небывалом успехе в «Ла Скала». Кто-кто, а он, Барра, знает, как настойчиво, не щадя себя, готовился к спектаклям знаменитый русский бас.

Алла Соленкова сама могла убедиться, как популярно повсюду имя Шаляпина. В Италии в музее «Ла Скала» среди драгоценных театральных реликвий висит его большой портрет. А в Японии, где певица побывала на гастролях, один пожилой ценитель музыки подарил ей патефонную пластинку с записями шаляпинских русских песен и сказал:

— Вы, русские, удивительно умеете завоевывать сердца.

Почти то же писала тогда

японская газета «Маймити»: «Это свойственно только русским — производить такой фурор. Перед их скрипачами отступили увлечения Мариан Андерсон и Луи Армстронгом. Теперь Россия возбудила к себе еще больший интерес после того, как у нас побывала Алла Соленкова».

У московской певицы уже громкое имя, к ней пришло признание, но она с великолепной настойчивостью и прилежностью школьницы продолжает учиться. Такой она была всегда, несмотря на успехи и неудачи. Было и то, было и другое.

Впервые Алла услышала аплодисменты — в... госпитале. Во время войны школьницей она побывала с ребятами с концертом у раненых бойцов.

— Эх, чисто соловушка, — сказал о ней человек, неподвижно лежавший в постели. — Спасибо, дочка.

Любопытно, что и на родине и во многих странах Аллу Соленкову часто потом называли «соловьем». В детстве это было даже прозвищем, которое напрочно прикипело, когда она с отменным мастерством исполнила Алябьевского «Соловья». На любом ее концерте в шквале аплодисментов и возгласов непременно слышишь теперь: «Соловья, Соловья...»

Но был в жизни и миг, когда казалось, что соловья из Соленковой не будет. После участия в художественной самодеятельности, после окончания музыкального училища семнадцатилетняя девушка держала экзамен в Московскую консерваторию. Ее не приняли. Выдающийся актер Яхонтов, которого в свое время не приняли в театральную студию — «дескать нет таланта» — считал, что тому, кто очень любит искусство, кто не может без него существовать, обязательно надо пройти через горечь непризнания. Алла Соленкова преодолела эту трудную полосу с мужеством.

Ей не кружит голову признание. Она пела в сотнях советских городов и за рубежом. Радость, которую несет ее пение людям, рождает в ней новое желание совершенствоваться — ей самой больше, чем кому бы то ни было, вид-

ны собственные недостатки. Один случай на концерте в Свердловске послужил поводом к тяжким раздумьям.

Концерт проходил удачно. Была исполнена вся обещанная программа, а записки на сцену все шли и шли. Алла Соленкова спела уже, конечно, «Соловья», другие вещи, чувствовала себя очень усталой и показывала публике жестами, что не может больше петь. Зал не унимался. На виду у всех ведущий вынул из вороха записок одну, показал певице. На сцене произошла какая-то заминка, артистка ушла, но все почему-то думали, что концерт еще не окончен. Публика продолжала аплодировать. Наконец, Соленкова вернулась на сцену. Она несла круглую плоскую коробку и один из букетов, что ей поднесли.

Ведущий прочитал записку вслух. Ее написали Тоня и Виктор Демкины, которые в этот день поженились. Они просили: «Спойте нам «Букет цветов из Ниццы». Ваш сегодняшний концерт доставил нам много удовольствия. А эта Ваша песня пусть будет для нас свадебным подарком». Молодоженов вызвали на сцену, и Алла Соленкова вместе с песней подарила коробку конфет и самый лучший из букетов.

Концерт окончился особенно радостно. Для всех. Только не для Соленковой. Вернувшись в Москву, она пошла в Министерство культуры:

— Я очень плохо пою. Мне надо учиться.

Она была настойчива. И опытная, известная певица почти студенткой — просто стажером — поехала в Милан к лучшим педагогам-вокалистам.

Недавно в Большом театре Союза ССР отменили очередной спектакль. Состоялся концерт. Выступали семь певцов, обучавшихся в Италии. Это был музыкальный отчет о годе учения. Он прошел с огромным успехом, и часть его по достоинству досталась Алле Соленковой, которая стала петь еще лучше, с еще большим мастерством.

Анатолий РУБИНОВ,
корреспондент АПН.

На снимке: поет Алла Соленкова.
Фото А. Невежина и М. Кулешова.

Агентство печати Новости.